

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2132](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2132)**А. А. Кирзюк, А. С. Архипова****«ОБМЫТЬ» И «ПРОСТАВИТЬСЯ»:
СОВЕТСКИЕ РИТУАЛЫ РЕДИСТРИБУЦИИ БЛАГ**

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРОЙ СЕРГЕЕВНОЙ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРЫ СЕРГЕЕВНЫ

Правильная ссылка на статью:

Кирзюк А. А., Архипова А. С. «Обмыть» и «проставиться»: советские ритуалы редистрибуции благ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 327—349. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2132>.

For citation:

Kirzyuk A. A., Arkhipova A. S. (2023) “You Owe Me a Drink for That”: The Soviet Rituals of Commodity Redistribution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 327–349. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2132>. (In Russ.)

Получено: 08.12.2022. Принято к публикации: 27.02.2023.

«ОБМЫТЬ» И «ПРОСТАВИТЬСЯ»: СОВЕТСКИЕ РИТУАЛЫ РЕДИСТРИБУЦИИ БЛАГ

КИРЗЮК Анна Андреевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; старший научный сотрудник лаборатории теоретической фольклористики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: kirzyuk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

АРХИПОВА Александра Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, сетевой исследовательский центр «Человек, природа, технологии», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; старший научный сотрудник лаборатории теоретической фольклористики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия*

E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

Аннотация. Статья посвящена неформальным ритуалам, которые в разговорном русском языке обозначаются словами «обмыть» и «проставиться» и заключаются в угощении группы по случаю приобретения индивидом материального или символического блага. Эти ритуалы рассматриваются как частный случай символической редистрибуции: «проставляясь» по случаю приобретения блага, индивид возвращает его часть коллективу. В условиях «ограниченного блага»

“YOU OWE ME A DRINK FOR THAT”: THE SOVIET RITUALS OF COMMODITY REDISTRIBUTION

Anna A. KIRZYUK^{1,2} — Cand. Sci. (Philology), Researcher at the Network Research Center “Man, Nature, Technology”; Senior Researcher at the Laboratory of Theoretical Folklore Studies

E-MAIL: kirzyuk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

Alexandra S. ARKHIPOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Philology), Researcher at the Network Research Center “Man, Nature, Technology”; Senior Researcher at the Laboratory of Theoretical Folklore Studies*

E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The paper researches the Soviet ritual of treating a group on the occasion of getting material or symbolic benefit from an individual (in spoken Russian, they are called by the words *obmyt'* and *prostavit'sya*). In the paper, these rituals are considered as a kind of symbolic benefit sharing: buying drinks and food on the occasion of getting a good, the individual gives back their part to the group. In conditions of “limited good” (G. Foster), such rituals are especially relevant because they allow the

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

(Дж. Фостер) такие ритуалы особенно актуальны, поскольку позволяют благополучателю защититься от возможной зависти окружающих. Советская экономическая система удерживала образ «ограниченного блага» в когнитивных ориентациях людей и в то же время развивала у них умение и привычку поддерживать личные отношения через акты немонетарного обмена. Поэтому участие в таких ритуалах было не вполне добровольным: у многих советских людей существовали представления о моральных и сверхъестественных санкциях за отказ «обмывать» и «проставляться», а индивид нередко сталкивался с давлением коллектива, требующим от него поделиться полученным благом. После распада советской системы эти ритуалы не исчезли совсем, но стали менее распространенными и потеряли принудительный характер. Исследование основано на интервью с бывшими советскими людьми и архивных материалах, а также на автоэтнографических эссе и анкетах студентов, родившихся после распада СССР.

Ключевые слова: ритуалы редистрибуции, ограниченное благо, советская повседневность, страх зависти, дарообмен, моральные и сверхъестественные санкции

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного общества № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956—1985)».

Мы благодарим за помощь в проведении исследования историка Александра Фокина, доцента ТюмГУ, который попро-

beneficiary to protect himself from possible envy of others. The Soviet economic system preserved the image of “limited good” in the cognitive orientations of people, and at the same time, it developed the skill of maintaining personal relationships through acts of non-monetary exchange. Therefore, participation in such rituals was not entirely voluntary: many Soviet people had ideas about moral and supernatural sanctions for refusing to treat the group, and they often faced the pressure of the group, requiring them to share excessive benefits. After the collapse of the Soviet system, these rituals did not entirely disappear, but they became less common and lost their binding nature.

Keywords: rituals of commodity redistribution, “limited good”, moral economy, the fear of envy, gift exchange, moral and supernatural sanctions

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the Russian Scientific Society No. 20-18-00342 “Institutional and non-institutional rituals in the structure of Late Soviet society (1956–1985)”.

We thank historian Alexander Fokin, associate professor of Tyumen State University, for his help in conducting the study,

сил слушателей элективного курса «Антропология советского» записать интервью со своими родственниками. Также мы признательны нашей коллеге Елене Югай, которая любезно поделилась с нами материалами своих интервью, и студентам Российской экономической школы, Тюменского государственного университета и Таганрогского института им. А. П. Чехова, которые проводили для нас интервью с родственниками, отвечали на вопросы анкеты и писали этнографические эссе.

who asked the students of the elective course “Anthropology of the Soviet” to record interviews with their relatives. We are also grateful to our colleague Elena Yugai, who kindly shared with us the materials of her interviews, and to the students of the Russian School of Economics, Tyumen State University and the A. P. Chekhov Taganrog Institute, who conducted interviews with relatives for us, answered the questionnaire and wrote ethnographic essays.

«Скажи, что значит „проставиться“? Почему мои бизнес-партнеры после сделки все время говорят про какую-то „поляну“?» — эти вопросы задавал знакомый немецкий предприниматель в 2009 г. одному из авторов этой статьи. Такие выражения, как «обмыть попку» или «проставиться за диплом», интуитивно понятны носителям русского языка. Многие, приобретя ценную вещь, чувствуют потребность ее «обмыть» с друзьями или коллегами. Отъезжающие на долгий срок часто «устраивают отвальную». Наконец, само действие, при котором получатель тех или иных благ организует угощение, часто обозначается глаголом «проставиться». Практически все жители бывшего советского пространства понимают, о чем идет речь, а распространенность соответствующих практик нашла отражение в источниках личного происхождения и в советском кинематографе¹. Хотя на сегодняшний день написано немало работ о советских практиках неформального обмена (см., например, [Хайнцен, 2021; Humphrey, 2000; Ledeneva, 1998]), ритуалы «обмывания» и «проставления» еще не становились предметом специального интереса исследователей. Авторы этой статьи поставили перед собой цель изучить структуру и функции ритуалов символического перераспределения благ в советской городской культуре 1960—1980-х годов.

Гипотеза и теоретические подходы

Мы рассматриваем ритуалы «обмывания» и «проставления» как частный случай *символического перераспределения благ* и поэтому опираемся на теорию дарообмена Марселя Мосса и Маршалла Салинза, а также «концепцию ограниченного блага» Джорджа Фостера. Мы показываем, что символическое перераспределение благ происходило в ситуациях, когда член советского общества повышал свой статус или совершал важное материальное приобретение. В некоторых случаях эти практики были функционально близки к распространенным в СССР практикам делать «знаки благодарности» [Хайнцен, 2021: 106—109; Humphrey, 2000] или «знаки внимания» за различные услуги [Patico, 2002].

¹ Один из самых известных примеров — эпизод из фильма «Служебный роман», где персонаж Олега Басилашвили, получив повышение по службе, устраивает вечеринку для коллег.

Мы предположили, что появление и развитие этих ритуалов было связано с экономическим устройством советского общества — они выполняли важную функцию «символического выравнивания», в том числе, должны были «нейтрализовать» зависть (о чем также писал Дж. Фостер в своих работах [Foster 1965; Foster 1972]). Соответственно, с распадом советской системы ритуалы перераспределения благ должны были потерять актуальность — или совсем исчезнуть, или претерпеть какие-то трансформации и стать менее распространенными.

В этой статье мы показываем, что все подобные практики опирались на навык устанавливать и поддерживать социальные связи через немонетарный обмен, развитый у советских людей. Такой навык вырабатывался благодаря участию в сетях «блата» и был (как и само существование «блата») следствием экономики дефицита. Чтобы вписать обсуждаемые ритуалы в контекст советский неформальной экономики, мы опираемся на исследования феномена «блат» Алены Леденева [Ledeneva, 1998] и Шейлы Фицпатрик [Fitzpatrick, 2000], а также на работы Кэролайн Хамфри, Джеймса Хайнцена и Дэвида Патиго [Humphrey, 2000; Хайнцен, 2021; Patico, 2002].

Методы и материалы исследования

Чтобы проверить нашу гипотезу о возникновении и функционировании ритуалов, нам необходимо было сопоставить синхронные данные (воспоминания людей из разных городов СССР, относящиеся к 1960—1980-м годам, о практиках неформальной экономики) с историческими, диахроническими данными о том, как развивались понятия «обмыть» и «проставиться» в русской культуре. Поэтому мы использовали качественные антропологические методы — *интервьюирование* и *автоэтнография интервьюеров* — в сочетании с количественными корпусными методами (*частотный анализ* понятий «обмыть» и «проставиться» в документах разных эпох).

Качественные антропологические методы. *Интервьюирование* бывших советских граждан из разных городов СССР позволило увидеть вариативность практик символического перераспределения благ и тех смыслов, которые люди в них вкладывали. Мы собрали корпус интервью с людьми, имеющими опыт жизни в СССР, на их основе составили подробный гайд и предложили расспросить своих родственников студентам Российской экономической школы и Тюменского государственного университета. В результате в нашем распоряжении оказались 48 полуструктурированных интервью. Информантами стали люди в возрасте от 50 до 83 лет: 23 мужчины и 25 женщин. Среди них 33 информанта имеют высшее образование, остальные — среднее или среднее специальное; 13 человек живут в Москве или в Московской области, столько же — в Тюменской области, трое — в ЯНАО, по два — в Татарстане, Удмуртии, Горьковской, Свердловской и Самарской областях, по одному информанту живет в Ленинградской, Вологодской, Владимирской и ряде других областей.

Студенты привлекались нами и для другой, не менее важной задачи: чтобы понять, как ритуалы «обмывания» и «проставления» изменились после распада СССР, мы попросили студентов РЭШ и ТюмГУ не только провести интервью со своими старшими родственниками, но также написать после этого небольшое *автоэтнографическое эссе*. В нем студенты отвечали на вопросы о том, знакомы ли они с этими ритуалами и с обозначающими их разговорными терминами, участвова-

ли ли в этих ритуалах сами и сталкивались ли с какими-либо формами социального принуждения к участию. Кроме того, 93 студента² Таганрогского института им. А. П. Чехова заполнили анкету с открытыми и закрытыми вопросами о знакомстве с обсуждаемыми ритуалами и понимании соответствующих терминов.

Количественные корпусные исследования. В таком исследовании, как наше, невозможно избежать простого вопроса «А откуда все это берется»? Когда стали использовать понятия «обмыть» и «проставиться» для описания ритуалов? Другими словами, нам нужен анализ встречаемости этих понятий за последние два века.

Для этого мы воспользовались двумя существующими на сегодняшний день базами текстовых данных: Национальным корпусом русского языка и базой дневников «Прожито». Национальный корпус русского языка³ — это созданный лингвистами ресурс, включающий в себя на данный момент⁴ 4,5 млн русскоязычных текстов с XVIII по XXI век [Плунгян, 2008]. Он репрезентативен (включает в себя прессу, литературу, воспоминания, расшифровку устных разговоров) и позволяет проследить, когда то или иное слово вошло в массовое употребление, а также контексты его использования.

Для более детального анализа исторического контекста ритуалов символического распределения благ мы воспользовались поиском по базе дневников «Прожито»⁵, которая включает в себя более 2 тыс. русскоязычных и украиноязычных дневников с XVIII по XXI век.

В результате поиска по обоим корпусам мы получили один и тот же результат. Современное значение у слова «обмыть» начинает формироваться в 1960-е годы (в 1970-е годы получает очень широкое распространение), а у «проставиться» — еще позднее (подробнее описано в разделе «От транзакции к перераспределению: как сформировался ритуал»).

«Обмыть», «проставиться» и «устроить отвальную»: дарообмен в особой ситуации

Слова «обмыть» и «проставиться» очень часто используются как полные синонимы и обозначают одно и то же действие: человек, сделавший большую покупку, получивший квартиру, водительские права, диплом, повышение по службе, ставший родителем или вступивший в брак, устраивает угощение (как правило, с выпивкой) для коллег, родственников и друзей. В советское время также было принято «проставляться» по случаю дней рождений, ухода в отпуск, при вступлении в рабочий коллектив и выходе из него (последнее действие также могло обозначаться как «устроить отвальную»).

Однако значение терминов «обмыть» и «проставиться» все же немного различается. Слово «обмыть» чаще связывается с приобретением какого-то материального объекта (квартиры, машины, премии). Также можно «обмыть» материальный символ нового статуса (права, диплом, звездочки на погоны). Слово «проставиться» чаще всего употребляется в случае, когда речь идет о приобретении нового

² Возраст опрошенных: 18—20 лет.

³ Подробнее см. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.04.2023).

⁴ Данные на февраль 2023 г.

⁵ Подробнее см. URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения: 08.04.2023).

статуса или некоторого символического блага, не имеющего материального выражения (день рождения, повышение по службе, отпуск). Именно так наши информанты понимают различия между этими понятиями:

«Обмыть» — это к вещам, предметам материального происхождения. Это покупка, вещь, звание, для военных — звездочки, медали. Это все материальные вещи. Это все «обмыть». «Проставиться» — это относится к событиям: день рождения, свадьба, юбилей. Это все «проставиться». (АЮК)⁶

Покупка чего-то — это «обмыть», а «проставиться» — это по какому-то случаю, то есть свадьба, день рождения, получение должности. (НАС)

«Обмыть» — это, скорее всего, какую-то покупку, вещь, приобретение — квартира, машина, телевизор, может. «Проставиться» — это повод личный: день рождения, родился ребенок, уходишь в отпуск. (ЛОВ)

Также можно заметить некоторое отличие в том, какая группа является адресатом угощения. «Обмывать» что-то можно и в семье, и на работе, тогда как «проставляться» в семье нельзя. Адресатом «проставления» может быть только внешняя по отношению к семье группа сослуживцев или, реже, друзей.

«Проставиться» — это в основном в отношении, как бы, не семьи, скажем так. С друзьями это называется больше «обмыть», отметить. (СВШ)

Как видно, все поводы для «обмываний» и «проставлений» связаны с получением некоторого блага — символического или материального, — которого в данный момент лишены другие члены коллектива. Человек, уходящий в отпуск, получает большую сумму денег (отпускные) и отправляется отдыхать, тогда как коллеги остаются получать обычную зарплату и работать.

Сейчас перед отпусками это дело [«проставляться»] почти ушло, а раньше святое дело, перед отпуском — конечно. Когда человек уходит отдыхать, остальные остаются работать, вот он им приятное и делает, всех угощает. (ЛОВ)

Угощая группу во всех перечисленных случаях, человек «делится» с ней приобретенным благом.

Но есть два случая, в которых «проставление» имеет другой смысл: это вхождение в новый коллектив и выход из него. В советских учреждениях принято было «проставляться», приходя на новую работу:

Например, человек устроился на работу, пришел на нее в первый день. Ну как, ты должен «проставиться»! Ты должен «накрыть поляну», так как ты вливаешься в коллектив. Грубо говоря, это такая «прописка» в коллективе, на работе. (ЛСП)

⁶ Список информантов см. в Приложении.

Используя советский бюрократический термин *прописка*⁷, наш информант описывает ритуал угощения коллектива новоприбывшим как необходимое условие вхождения в группу. Если описывать такое угощение в терминах теории дарообмена, то это — инициальный дар группе. Говоря о дарообмене, мы имеем в виду теорию М. Мосса [Мосс, 2011], уточненную и дополненную М. Салинзом [Салинз, 1999], однако неформальный дарообмен в позднесоветскую эпоху имел свои особенности, о которых речь и пойдет ниже.

Функция инициального дара группе состоит в том, чтобы включиться в систему внутригруппового дарообмена; именно такое включение делает новоприбывшего полноправным членом коллектива. Подобные ритуалы существовали не только в советской культуре. На рубеже XIX—XX веков среди российских рабочих было принято, чтобы новый рабочий, приходя на завод, устраивал ритуальную выпивку и угощал старых рабочих, и это действие именовалось *привальное*. Без этого рабочий не мог считаться полноценным членом сообщества [Herlihy, 1991: 144—145]. Отметим, что забытое сейчас слово *привальное* образует пару с *отвальной*. Мы делаем прощальный дар группе, когда ее покидаем.

В воспоминаниях петербургского рабочего упоминается фабричный обычай, согласно которому до *привальной* новичок даже не назывался по имени, к нему обращались просто «Тарас» (цит. по: [Herlihy, 1991: 144—145]). Эта деталь показывает, что угощение со стороны новичка было инициацией, ритуалом перехода: имя (а значит, и место в коллективе) рабочий получал только после преподнесения инициального дара, который включал его в групповой дарообмен. Надо сказать, что подобные ритуалы существовали и в других профессиональных сообществах. Например, в театральной среде новый актер даже в 1990-е годы включался в труппу после неформального, но обязательного угощения: «Любой новенький актер, сыгравший впервые в театре, должен организовать стол после первого спектакля. Пусть нет денег, пусть залезет в долги, но актер должен „проставиться“ перед новым коллективом, в который хочет быть принят» [Зайцева, 2003: 166].

Как мы сказали выше, «проставляться» следовало не только в случае вхождения в коллектив, но и в случае выхода из него. Когда в интервью заходила речь о смысле этого обычая, наши информанты часто говорили о нем как о способе выразить благодарность коллективу:

«Отвальной» обычно называли, когда человек уходил с работы и из коллектива, и *«отвальная»* — это возможность поблагодарить всех за работу и просто сказать «до свидания». (АЮК)

В терминах теории дарообмена любой знак благодарности является «отдарком», без которого исходный дар остается «неотвеченным», а обмен — незавершенным. Если переформулировать высказывания наших информантов в этих терминах, то можно сказать, что «отвальная» была как раз таким завершающим даром. Угощая коллег по случаю ухода, человек «закрывал» отношения дарообмена, в которых состоял, будучи членом коллектива.

⁷ Отметим, что существует и тюремная прописка — и это ритуал инициации.

Иногда завершающий дар в виде «отвальной» превращался в отдельный акт дарообмена. В некоторых советских коллективах в ответ на финальное угощение уходящему дарили подарок:

Как правило дарили подарки, ты делаешь «отвальную» — а тебе дарят какой-то подарок. Это всегда был такой порядок негласный. (НАЛ)

К «отвальной» иногда принято было сделать какой-нибудь подарок уезжающему, в зависимости от его уровня. Конечно, человеку солидному дарили солидный подарок. Иногда делали какое-то дарственное письмо, знаешь, в красивой папочке. (ЕНБ)

Таким образом, функция этого обычая состояла в том, чтобы завершить внутригрупповой дарообмен, в который человек был включен, будучи членом группы, поставить своего рода ритуальную «точку» в этом процессе. Это завершение происходило или в форме «отдаривания» коллектива за принадлежность к нему (благодарность в виде угощения), или в форме заключительного ритуального обмена подарками, где угощение обменивалось на какую-то вещь.

Важно отметить, что «отвальная» имела особый смысл в ситуации, когда дарообмен мог с некоторой вероятностью возобновиться. Поблагодарить коллектив угощением или совершить финальный обмен дарами нужно было потому, что уходящий мог столкнуться с кем-то из членов оставляемой группы в отдаленном будущем. И некоторые наши информанты, рассуждая про «отвальную», прямо говорили об этом:

То есть ты когда увольняешься, всегда как-то традиция такая существует: нужно расставаться хорошо, потому что, во-первых, тебе может понадобится туда вернуться, во-вторых, ты все равно в том же городе, в том же населенном пункте или в той же сфере будешь общаться, и тебе нужно оставить о себе хорошее впечатление, а не просто хлопнуть дверь. (ЕАР)

Такой сознательный или бессознательный расчет на отложенную во времени реципрокность можно найти и в других советских неформальных практиках. Например, было принято дарить подарки разным специалистам, оказывающим услуги, уже после того, как услуга была оказана. Исследователи, пишущие об этой традиции, говорят о развитии в СССР особой культуры «знаков благодарности» [Хайнцен, 2021: 106—109; Humphrey, 2000] или «знаков внимания» [Patico, 2002]. Пациент мог вручить подарок (или даже прислать его по почте), желая отблагодарить врача за прием без очереди, удачную операцию или проведенный курс лечения, а отказ врача принять дар часто вызывал недоумение и обиду [Хайнцен, 2021: 106]. Обычай дарить конфеты, цветы или алкоголь врачам в знак благодарности фиксировался антропологами после распада СССР в конце 1990-х [Patico, 2002; Белоусова, 2003]. Дж. Патико показывает, что хотя конфеты или коньяк, вручаемые после оказания услуги, описываются дарителями как проявления «благодарности» или «просто внимания», на самом деле они нужны, чтобы установить с реципиентом особые социальные отношения, на которые даритель смо-

жет при случае рассчитывать [Patico, 2002]. Это сближает такой тип дарообмена с другим советским феноменом — «блатом» [Ledeneva, 1998; Fitzpatrick, 2000], но не тождествен ему.

От транзакции к перераспределению: как сформировался ритуал перераспределения благ

Итак, советский ритуал, выражаемый словами «*обмыть*» и «*проставиться*», должен «уравновесить» неравную ситуацию, когда благо, получаемое одним членом коллектива, превышает блага других, причем «уравновесить» через угощение, предоставляемое получателем блага. Именно поэтому мы называем это действие *ритуалом перераспределения благ*. Из интервью, дневников, мемуаров мы знаем очень много примеров активного использования ритуала *перераспределения благ* в 1970-е годы. Возникает вопрос: существовали ли эти ритуалы распределения благ раньше? Когда они появились?

Существуют этнографические свидетельства, показывающие, что в России второй половины XIX века требовалось сопровождать, «закреплять» денежную транзакцию выпивкой, причем магарыч⁸ (выпивку) ставил продавец или посредник. Например, в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя так описывается свадебный сговор: «Что? по рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай могоарычу!»⁹ Та же самая транзакция могла называться словом «*обмыть*». В работе 1926 г. о вреде алкоголя автор сокрушается о распространенности подобных практик: «покупку надо было обмыть, удачу — вспырнуть, горе — залить»¹⁰.

Кроме того, у «*обмывания*» при приобретении чего-то существовала и магическая коннотация. В этнографических свидетельствах XIX века зафиксированы примеры, когда купленному животному буквально обмывали копыта для символического разрыва связи между ним и прежним хозяином [Журавлев, 1984: 113]. То же самое делали с новорожденным ребенком: после родов муж роженицы обмывал руки повитухи, разрывая ее связь с ребенком [Архипова*, Кирзюк, Югай, 2020]. Однако все же любое из этих обмываний происходило в момент транзакции между продавцом и покупателем или тем, кто принял ребенка и тем, кому ребенок принадлежит.

В течение дальнейших 50 лет значение слова «*обмыть*» кардинально изменилось. Оно осталось связанным с покупкой, но теперь товар «обмывают» не отдающий и покупающий, а тот, кто приобрел что-то, символически делит приобретенное со своим коллективом. Продающий больше не присутствует в этой схеме. В этом значении глагол «*обмыть*» появляется и получает распространение, согласно «Национальному корпусу русского языка», только в начале 1960-х годов. Однако в это время интересующий нас обычай еще не был таким распространенным, каким

⁸ *Могоарыч* или *магарыч* (от араб. «расходы», «издержки», согласно словарю Д. Н. Ушакова, URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=28237> (дата обращения: 10.04.2023)) — самое раннее обозначение практики распития спиртных напитков по случаю сделки.

⁹ Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-gogol/sorochinskaya-yarmarka-22098411/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁰ Тяпугин Н. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М.: Наркомздрав, 1926.

он стал спустя десять лет. Так, герою рассказа, написанного в 1962 г., не нравится идея делить полученное благо со своим коллективом:

— Ты меня не обидел, я тебя уважу. Обмыть надо «мазика», а?

— Ни-ни, — сказал Мацуев. У нас это, понимаешь, не заведено, чтоб подносить бригадире с полочки¹¹.

Итак, к 1960-м годам обычай «обмывания» превращается из ритуального сопровождения товарной транзакции в перераспределение благ среди своих и в этом качестве получает широкое распространение. Отметим, что обычай «обмывания» при товарной транзакции не исчез, но встречался все реже (в том числе из-за сужения сферы частной торговли).

Глагол «проставиться» появился еще позднее. В Национальном корпусе русского языка он встречается только в 1990-е годы, в базе дневников «Прожито» — в первый раз в 1983 г.: «Сегодня уезжает командир первой танковой казачьей роты Данилов Николай Николаевич. „Проставился“ как положено, провожали всем батальоном»¹².

После этих наблюдений над историей слов «обмыть» и «проставиться» следует задаться вопросом: почему обозначаемые этими словами ритуалы получили распространение именно в позднесоветские годы? Чтобы ответить на него, обратимся к теории Дж. Фостера.

«Ограниченное благо» в традиционном и советском обществе

Согласно теории Дж. Фостера, члены каждого общества разделяют общую «когнитивную ориентацию» (cognitive orientation) — имплицитное и невербализуемое понимание «правил игры». Когнитивная ориентация управляет нашим поведением так же, как грамматика языка, которая не осознается его носителями, но тем не менее управляет их речью [Foster, 1965]. В основе когнитивной ориентации мексиканских крестьян, которых изучал Дж. Фостер в начале 1960-х годов, лежит образ «ограниченного блага» (*limited good*). Причина этого состоит в том, что крестьянское сообщество — это закрытая система, существование которой зависит от ограниченных природных и социальных ресурсов деревни и прилегающей местности. Поэтому все блага — богатство, здоровье, статус — воспринимаются как существующие в ограниченном количестве: их невозможно увеличить, а можно только распределять и перераспределять между членами сообщества. В такой системе человек может улучшить свое положение только за счет других — если кто-то берет себе большой кусок от общего пирога, остальные с неизбежностью получают меньше. Улучшение чьего-либо благосостояния нарушает общий «баланс», и воспринимается как угроза не конкретным людям, а всему сообществу.

В культуре «ограниченного блага» существуют механизмы, позволяющие восстановить нарушенный баланс. Преуспевший человек может нейтрализовать возможные последствия своего возвышения, вернув сообществу его «долю» с помощью

¹¹ Владимов Г. Большая руда. Повесть. М.: Советская Россия, 1962.

¹² Шульц И. Кандагарский дневник. Страницы из дневника гвардии лейтенанта танковых войск. Ростов-на-Дону: Антей, 2012.

некоторых ритуальных трат. Так, от богатого крестьянина в латиноамериканской деревне ожидается, что он будет спонсировать пышные фиесты и обильно угощать односельчан [Foster, 1965: 305—306; Foster, 1972: 181—182]. Это не прямой обмен дарами (реципрокация в терминах М. Мосса [2011]), а генерализованная редистрибуция [Салинз, 1999], когда блага внутри сообщества перераспределяются по сложным, не всегда очевидным схемам, а «ответный дар» отложен во времени.

Действие логики «ограниченного блага» мы можем увидеть и в других крестьянских сообществах. Пожилая жительница деревни в Вологодской области может вспоминать о том, как во времена ее молодости односельчане на свадьбе стреляли в окна порохом, требуя пирогов. Пироги, как и любая другая праздничная еда, в голодной послевоенной деревне воспринимались как избыточное благо. Поэтому ими нужно было делиться с соседями, рискуя в противном случае вызвать агрессию в свой адрес: «Испекешь [пирогов], так лучше закрывай, кто-нибудь да придет, поделиться надо» (ЛБ).

Теория Дж. Фостера была разработана на материале традиционного сельского сообщества. Однако логика «ограниченного блага» просматривается и в советских практиках «обмывания» и «проставления», хотя жители больших советских городов таким сообществом не являлись. Почему же тогда у них была когнитивная установка, свойственная членам замкнутых крестьянских сообществ? Краткий ответ состоит в том, что советская экономическая система поддерживала у них представление об ограниченности благ. Разберем, каким образом это происходило.

Первым фактором, поддерживающим такую установку, была *ограниченность ресурсов*. Советский человек жил в экономике дефицита. Повседневные практики, такие как стояние в очередях, «доставание» дефицитных товаров, их ограниченный отпуск в одни руки, постоянно напоминали потребителю о том, что общие ресурсы недостаточны. Периодически в тех или иных регионах вводилась карточная система на разные типы товаров, что весьма красноречиво указывало на ограниченность общего блага.

Вторым фактором была *вынужденная экономическая пассивность и зависимость от государства*. Советская система распределения благ поддерживала представление о том, что человек *наделяется* благом, а не приобретает его в результате собственной экономической активности. Единым агентом, распределяющим доли «пирога» между разными категориями граждан, было государство, а гражданин выступал в роли пассивного получателя своей «доли» — квартиры, дачи, путевки в санаторий или продуктового набора.

Образ «ограниченного блага» в когнитивных ориентациях советских людей можно реконструировать по некоторым высказываниям на экономические темы, а точнее, по тому, как именно они объясняли нехватку каких-то товаров в стране или населенном пункте. В перечнях наиболее часто задаваемых вопросов, которые лекторы из Отдела пропаганды ЦК КПСС и общества «Знание» получали в различных аудиториях, а также в письмах, которые советские граждане отправляли в различные государственные инстанции, можно встретить рассуждения, построенные по модели «нам, советским людям или жителям города N, не хватает товара X, потому что власти отдали его гражданам других стран или другого города». Именно таким образом многие советские люди объясняли продовольственные

трудности и дефицит, и именно поэтому были недовольны тем, что СССР оказывает экономическую помощь «братским странам». Распространенность такой объяснительной модели отражена, в частности, в аналитической записке по поводу писем, поступивших в газету «Правда»: «Автор из г. Волжского, как и почти все, кто касается этой темы, высказал предположение, что жизненный уровень в СССР понижается потому, что наше государство оказывает слишком большую помощь слаборазвитым странам»¹³.

Именно к такому вернакулярному восприятию советской экономики как системы сообщающихся сосудов отсылает известный советский анекдот начала 1980-х годов: «Жители Одессы пишут в газету: „Дорогая редакция! Мы прочитали, что дети в Африке постоянно недоедают. Огромная просьба: пришлите нам в Одессу все, что они не доели“».

Эта модель могла использоваться для объяснения нехватки тех или иных товаров не в масштабе страны, а в масштабе города или республики. Тогда в роли виновников «нашей» нехватки выступали жители другого города или другой союзной республики. В 1978 г. житель Липецка в письме в ЦК КПСС написал следующее: «Мяса нет, масла нет. В магазинах „Океан“ вместо рыбы — томатный соус и свиной жир. <...> Прошел слух, что в Краснодаре жестокий голод, и вот, чтобы поддержать краснодарцев, продовольственные фонды Липецка урезали»¹⁴.

Во всех этих суждениях просматривается представление об экономике как о системе «сообщающихся сосудов»: если в одном месте обнаруживается нехватка тех или иных благ, значит они «перетекли» в другое место. Используя фостеровскую метафору, можно переформулировать меседж процитированных выше высказываний следующим образом: «наш кусок пирога уменьшился, потому что государство отдало нашу долю другим людям».

Жизнь в условиях товарного дефицита имела еще одно важное для нашей темы следствие. Поскольку государство с задачей распределения благ справлялось не очень успешно, то граждане, постоянно испытывающие недостаток нужных вещей, должны были перераспределять доли общего «пирога» самостоятельно. Эту функцию выполнял «блат» — использование личных связей для обмена «услугами доступа» к ресурсам. Исследовательница «блата» А. Леденева подчеркивает, что люди, состоящие в сетях «блата», делились не своими собственными ресурсами, а именно доступом к государственной собственности [Ledeneva, 1998: 35—36], то есть в фостеровской терминологии, к «пирогу» общего блага.

В системе товарного дефицита возможность получить услугу или товар часто зависела не от количества денег, а от способности человека найти знакомых или установить неформальные отношения с теми, кто оказывает услуги или имеет доступ к нужным товарам — иными словами, найти «блат». Такие неформальные отношения заводились и поддерживались через практики дарообмена. Пациент, подаривший стоматологу бутылку дефицитного коньяка, мог рассчитывать, что в качестве ответного дара он получит, например, импортное обезболивающее или хорошую пломбу. Сети «блата», в которые в той или иной мере был включен

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 133. Обзор писем, полученных газетой «Правда» в июне 1974 г.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 17. Л. 43. О письмах трудящихся с жалобами на перебои в торговле некоторыми продовольственными товарами первой необходимости (1978).

каждый советский человек, держались на таких практиках немонетарного обмена. Необходимость участвовать в этих практиках развивала навык заводить и поддерживать личные отношения через акты дарения и отдаривания; от того, насколько он развит, часто зависело материальное благополучие человека. В то же время «иметь хорошие отношения» во многом означало «обмениваться дарами».

Спрятать или поделиться: страх зависти в советском коллективе

Илья Утехин, описывая быт коммунальной квартиры, рассказывает об обычае угощать соседей праздничной едой — например, пирогами. Такое угощение совершенно не предполагало совместной трапезы, и часто просто оставлялось на кухонном столе или в комнате соседа без каких бы то ни было комментариев [Утехин, 2004: 84—86]. Утехин рассматривает такое обязательное угощение в оптике Дж. Фостера — как стремление подавить возможную зависть со стороны соседей. Устраивая пышные празднества для односельчан, деревенский богач защищается от их зависти [Foster, 1972]. То же самое происходит в коммунальной квартире: угроза зависти нейтрализуется, когда избыточное благо в виде праздничной еды частично «возвращается» соседям.

Мы предполагаем, что точно такую же функцию выполняли «обмывания» и «проставления», в которых принимали участие советские люди. Угощения, которые устраивались по случаю приобретения дорогой вещи или нового статуса, были той долей «пирога», которую человек должен был «отломить» от своего большого куска и отдать другим (как правило, членам своего трудового коллектива). То, что угощение защищало от зависти коллектива, иногда хорошо осознавалось теми, кто такое угощение устраивал.

Но это [«проставиться»] тоже обязательно и имеет скрытый смысл: поделиться, чтобы не завидовали. У них-то нет удачных покупок, и ребенка им никто не родил. (Инф. А.К.)

По Дж. Фостеру, зависть и страх зависти существуют в той или иной мере в любом обществе, но особенно они развит там, где материальные ресурсы ограничены, а люди бедны. Механизмы нейтрализации зависти через символическую редистрибуцию существуют и в культуре богатых индустриальных стран: так, отец новорожденного в США раздает друзьям сигары, чтобы «поделиться» с ними своей маскулинностью [Foster, 1972: 178]. Однако страх зависти там не так силен, как в замкнутых крестьянских сообществах, где люди стараются утаить приобретенные блага от коллектива — например, притворяются более бедными и больными, чем они есть, энергично отрицают основания для комплиментов в свой адрес и строят дома таким образом, чтобы прохожие не могли заглянуть в окна и завидовать увиденному [там же: 175—176].

Как мы говорили выше, советские люди постоянно сталкивались с разными свидетельствами ограниченности общего блага, что влияло на их когнитивные ориентации. Но помимо необходимости приобретать товары и услуги в условиях постоянного дефицита, был в советской жизни еще один фактор, который порождал страх зависти: противоречие между декларируемым равенством и неравным в реальности распределением «кусков пирога» между гражданами.

Это противоречие нередко вызывало возмущение «простых советских людей», что прекрасно осознавали те, кто обладал потребительскими привилегиями. Поэт Лев Лосев описывает очень характерный случай, свидетелем которого он стал в застойные годы в Ленинграде. Партийная дама, идеологический секретарь Дзержинского райкома, перед Новым годом выносила из Смольного двух гусей. На выходе вахтер ей строго сказал: «Не положено, вынос продуктов из Смольного в открытом виде запрещен». А потом доверительно добавил: «Народ ходит, видит, кто что выносит. Нехорошо. Надо портфель для этого дела иметь, или риди-кюль»¹⁵. Дама из Смольного вряд ли планировала делиться гусями с согражданами, не имеющими доступа к продуктам из спецраспределителя, поэтому ей, чтобы избежать зависти, оставалось только спрятать гусей. Система, в которой блага ограничены, а привилегии морально нелегитимны, оставляет обладателю избыточных благ два возможных пути: поделиться ими или скрыть их.

Именно такой выбор — поделиться или спрятать — стоял перед нашей собеседницей из вологодской деревни, которая рассказывала о необходимости угощать односельчан пирогами. И точно такой же выбор часто стоял перед нашими информантами, которые вспоминали свой позднесоветский опыт «обмывания» и «проставления». Человек нередко осознавал и то, что избыточное благо может вызвать зависть коллектива, и то, что угощение может эту зависть нейтрализовать.

Тебе дали индивидуальную премию, весь отдел как бы не заработал, а ты получила премию, ну не знаю, 200—300 рублей в советское время. Возникает вот это вот, чтобы не было отношения, когда тебе начинают завидовать, и не было напряжения в коллективе, человек берет и часть этой премии, так сказать, «проставляется» и тратит на подарки окружающим его коллегам, чтобы они где-то смягчили свое отношение к событию. (СВЦ)

Чтобы избежать и зависти, и связанной с ней необходимости «проставляться», человек мог просто скрыть от коллектива приобретение новой вещи или нового статуса.

Свадьбы, окончание [института] я не отмечала. Они народ завистливый, старалась я, чтобы меньше всего знали. (СМБ)

Принудительность редистрибуции: моральные и сверхъестественные санкции

Формы символической редистрибуции, которые описывал Дж. Фостер (организация праздников, щедрые пожертвования на церковь), не вполне добровольны: если экономическое поведение богатого крестьянина не соответствует ожиданиям односельчан, он может стать объектом интенсивной зависти, которая, в свою очередь, легко находит выражение в агрессии — как вербальной (осуждение, сплетни), так физической (поджоги и другая порча имущества).

Некоторая принудительность наблюдается и в советских практиках символической редистрибуции. Люди с советским бэкграундом иногда говорят о намере-

¹⁵ Лосев Л. Жратва // Лосев Л. Закрытый распределитель. Анн Арбор: «Эрмитаж», 1984. С. 55—56.

нии «проставиться» при помощи глагольных конструкций с модальностью долженствования, например, «С меня причитается». Член советского коллектива часто чувствовал, что должен «обмыть» или «проставиться», потому что ему об этом недвусмысленно сообщали окружающие.

Инт.: *Было такое, что намекали, что нужно «проставиться»?*

Инф.: *Да, у нас сразу. Что-нибудь купил, и... Сейчас все про машину узнают, все сразу придут, скажут: «Почему не „обмываем“?!» (АИХ)*

Информанты, не любившие ритуальных застолий в рабочем коллективе, отмечают, что от них тем не менее было трудно отказаться.

Люди уже спрашивали, чтобы я их угостила. Просили «проставиться», приходилось <...> Самой не хочется, а приходилось, были такие моменты. (НАС)

Это относилось не только к ситуации получения материальных или символических благ, но и к «проставлению» по случаю, например, дня рождения. Сослуживцы ожидали от именинника какого-то угощения.

Ну, например, день рождения. Кто-то празднует, кто-то нет. Я вот не люблю праздновать, всячески старался этого избежать. Но порой тебя заставляли: «Вот у тебя день рождения, ты должен „проставиться“» (ДАП)

Однако, намеками и прямыми призывами «проставиться» дело не ограничивалось. Советский человек знал, что отказ «обмывать» или «проставляться» влечет за собой некоторые санкции — или в виде морального осуждения со стороны коллектива, или в виде сверхъестественного наказания за отказ делиться избыточным благом.

Человека, который нарушал ожидания коллектива и не «проставлялся», часто ждали моральные санкции, а именно обвинения в жадности. Про него могли сказать, что он «зажал» угощение. Соответственно, сам потенциальный нарушитель боялся «прослыть жадной» (НАС). Обвинения в жадности иногда высказывались в шутливой форме, но иногда могли повлечь за собой нешуточное осуждение со стороны коллектива.

Ну как-то на тебя волком смотрели, так сказать. Как изгой начинался. Жадный, такой-сякой. (ЩЕН)

Это как бы неписанный закон, и если ты этого не делаешь, то это из ряда вон выходящее событие. И тебя не поймут. Я не хочу сказать, что ты изгой, но ты переругался со всеми. (ЕНБ)

Не намекали, а прямо требовали: «Ты что, не будешь „обмывать“ что ли?» Это было как позор, как жадный. (ПТС)

Как видно из этих высказываний, результатом обвинений в жадности могла стать всеобщая неприязнь и отчуждение «нарушителя» от коллектива. По мнению неко-

торых наших информантов, именно перспектива такого отчуждения не давала людям нарушать неписаный закон «проставляться». На вопрос, отказывался ли кто-нибудь угощать коллег по случаю важных событий, один наш собеседник ответил: «Не было такого. Ну никто не хотел отделяться от коллектива <...> То есть вне коллектива никто не хотел оставаться, понимаешь. Коллектив — значит, все делали» (РТС).

Помимо того, что «нарушитель» рисковал получить моральное осуждение и неприязнь группы, ему могли угрожать сверхъестественные санкции. Многие наши информанты слышали о примете, согласно которой отказ «обмывать» и «проставляться» влечет за собой поломку вновь приобретенной вещи или другое несчастье.

В этом был элемент суеверия: если не «обмыть», и если не «проставиться» перед коллективом, то штаны обязательно разорвутся, пиджак развалится, телевизор сломается и т. д. (ДАР)

То же самое представление существовало по поводу необходимости «проставляться» при переходе из одного рабочего коллектива в другой.

Где-то я слышала, что если увольняешься, то нужно обязательно «проставиться», потому что если этого не сделать, то на следующей работе будет плохо работать, и, скорее всего, ты там не сможешь работать, так что нужно обязательно «проставиться», обязательно. (САБ)

Характерно, что некоторые информанты прямо связывают несчастья, происходящие с человеком после отказа «проставляться», с его жадностью. Эти несчастья объясняются тем, что человек «зажал» угощение. Таким образом, причина сверхъестественного наказания — в нарушении морального императива делиться с коллективом.

Ну, например, N получила квартиру, и ей надо было, конечно, это отметить. Она не отметила, у нее горячая вода пролилась. Она пожидалась, нельзя жидиться, это примета такая. (СМБ)

«Обмыть» машину нужно, потому что иначе будет авария, потому что зажал, не обмыл. (ЖБГ)

Вот кто-то, например, ушел в отпуск и не «проставился», и потом приезжает, погода плохая была, или что-то неудачно сложилось, тогда говорили: «Ну вот, зажал, вот и не сложился отпуск», могли вот так сказать. (НАЛ)

Идея сверхъестественного наказания должна была мотивировать человека на то, чтобы разделить с группой избыточное благо, или вернуть коллективу его «долю» при уходе. Часто именно с помощью этой приметы человеку объясняли необходимость «проставляться» и практически заставляли его делать это.

Вот у нас была девушка на работе, увольнялась <...> и я ей говорю «Ну все, Вероника, давай „проставляйся“». И она мне такая: «А что, надо?». А я ей говорю: «Да ты что, ко-

нечно, ты что, примету не знаешь?». И она такая: «Ну блин, придется „проставляться“». И каждый раз, когда у нас уходят, увольняются, я говорю: «Так, а „проставиться“? Ты что, примету не знаешь?» Или в отпуск, например, уходишь, «проставляешься». (СAB)

Идея сверхъестественного наказания высказывалась не только в форме «рассказа о примете», но и в форме полшутливых угроз тому, кто затягивает с угощением:

Приглашаешь близких, а кто-то из тех, кого ты не пригласил говорит: «Что ж ты машину купил и не „проставился“. Смотри, машину разобьешь». (APA)

Например, вот мой сослуживец машину купил. И если он машину не «обмывает», то каждый день его: «Ну че, машину не обмыл? Колесо не спустило?». Это всегда так. Надо «обмыть» машину! А то она работать, ездить не будет. (СВМ)

На работе «обмывали»... Ну, тут уже ребята как бы шутя так, настойчиво предлагали. Ну, пришлось... пришлось угостить друзей, чтоб машина хорошо катилась, значит. (ВПС)

Такие шутливые угрозы или объяснение случившихся неудач отказом «проставляться» выполняли несколько важных функций. Во-первых, они позволяли в культурно приемлемой форме выразить агрессию в адрес того, кто не желает делиться — агрессию, которая в деревенском сообществе могла принять форму физической (стрельба в окна, порча имущества). Во-вторых, они сообщали потенциальному нарушителю о санкциях за отказ делиться с коллективом приобретенным благом, и тем самым побуждали его к «обмыванию» или «проставлению».

Заметим, что сверхъестественная санкция обладала большей «принудительной силой», чем санкция моральная. Человеку не говорили: «Если не „проставишься“, мы будем тебя порицать» — угрозу отчуждения от коллектива он ощущал (или не ощущал) сам. Моральные санкции играли роль внутреннего регулятора поведения. Об угрозе сверхъестественных санкций человеку часто сообщали окружающие, и представления о таких санкциях становились инструментом прямого давления коллектива.

Представления о сверхъестественных санкциях оказались более устойчивыми, чем представления о санкциях моральных. Некоторые из наших молодых респондентов знают, что «обмывание» новой вещи помогает избежать поломок и прочих неприятностей. Так, студенты из Таганрога слышали, что новую машину нужно «обмыть», чтобы «отгородить ее от плохих ситуаций» (МА) и чтобы «меньше она „болеет“, а также не случилось аварии» (АА). Отметим, что знание о магическом смысле таких практик обнаружилось только у студентов региональных ВУЗов, а студенты московского РЭШ о знании подобных примет ничего не сообщили.

«Обмыть» и «проставиться» сегодня

Несколько лет назад один из авторов этой статьи наблюдал диалог между пожилой женщиной (1937 г. р.) и ее правнучкой (2005 г. р.). Женщина советовала правнучке не рассказывать одноклассникам о летних поездках в Европу. Этот совет был продиктован беспокойством: бабушка боялась, что одноклассники де-

вочки (не имеющие возможности подобным образом проводить каникулы), будут ей завидовать. В представлении прабабушки, обладание недоступным для большинства благом неизбежно вызывает зависть окружающих, а зависть опасна, поскольку может вылиться в символическую и физическую агрессию. Правнучка, не знакомая с этими представлениями, искренне не понимала этот странный, с ее точки зрения, совет.

Этот эпизод показывает, что образ «ограниченного блага» и связанный с ним страх зависти уходят из когнитивных ориентаций людей, родившихся после распада советской системы. Как это отражается на наших ритуалах? Остаются ли они актуальными?

Анкеты и автоэтнографические эссе студентов (1998—2001 гг. рождения) показывают, что большинство из них знакомы с ритуалами «обмыть» и «проставиться», а также с разговорными терминами, которые эти ритуалы обозначают. Однако среди двадцатилетних это знание уже не является всеобщим. В то же время ни один из наших информантов с советским бэкграундом не обнаружил полного незнания традиции: хотя отдельные интервьюируемые говорят, что всегда стремились избегать участия в обсуждаемых ритуалах, все знали о них и наблюдали разнообразные «обмывания» и «проставления» в жизни.

Незнание традиции молодежью иногда отмечается информантами старшего возраста.

Конечно, надо «проставиться» на новой работе. А молодые этого совсем не знают. Я Катюху к нам устроила, с первой зарплаты говорю: «Катюх, а „проставляться“?» Она: «Что? Зачем?» <...> Она, ты представляешь, даже не слышала такого никогда. (АК)

Как было сказано выше, некоторые студенты знакомы с магическим объяснением обсуждаемых ритуалов (вещь нужно «обмыть», чтобы она исправно функционировала и не ломалась). Также некоторые молодые респонденты четко формулируют идею «проставления» как «отдарка». На вопрос о значении слова «проставиться» они отвечают, что это «возвращение долга за услугу в материальном, неденежном, выражении» (СГ) или что «проставиться» — это «отблагодарить кого-либо, обычно через ужин» (АИ).

Важное различие между сегодняшними студентами и их старшими родственниками заключается в том, что студенты никогда не сталкивались с давлением коллектива, требующего «обмыть» или «проставиться»; также им не знаком страх вызвать неодобрение окружающих за отказ «проставляться». Люди, родившиеся после распада советской системы, могут угощать друзей по случаю важных событий, но это действие не обязательно. Отказ от него не влечет за собой моральных санкций в виде осуждения со стороны группы, а окружающие не требуют «проставиться» и не угрожают сверхъестественными санкциями. Это различие было отмечено в автоэтнографических эссе некоторых студентов, проводивших для данного исследования интервью со своими старшими родственниками.

Меня удивило, что это было полностью принудительно, на собственные деньги, что стол приходилось накрывать с размахом и звать всех работников, даже если инфор-

мант относился к ним негативно. Это удивило меня, так как в современном мире я просто не могу представить себе подобную принудилровку, так как для такого празднования сейчас нужно именно мое желание, да и празднование проходит с друзьями, а не с «левыми» людьми, с которыми я не готов делить радость от столь личного и прекрасного события. (МК)

На наш взгляд, это различие связано с распадом советской экономической системы. Когда исчезает постоянный дефицит, уходит идеология имущественного равенства, а человек становится менее экономически зависимым от государства, образ «ограниченного блага» теряет свою значимость. Это имеет несколько следствий: люди становятся менее зависимыми от навыков неформального дарообмена, реже чувствуют «страх зависти» и в меньшей степени ощущают себя пассивными получателями благ со стороны безличных сил типа судьбы или удачи.

Ритуалы «обмыть» и «проставиться» по-прежнему сохраняют свою актуальность для профессиональных сообществ, которые, во-первых, относительно замкнуты, а во-вторых, зависимы от государства. Например, в армии обычай обязательного «проставления» вышестоящим существовал и в 2000-е годы, существует и сейчас¹⁶: «Сейчас, после присяги, стало полегче. Я проставился дедам. Осталась ерунда — 690 дней» (Запись в дневнике за 28 июля 2004 г.)¹⁷. В московской прокуратуре в 2007 г. умение «проставиться» было главным неформальным требованием к руководителям отделов [Залегина, 2007].

Заключение

Мы показали, что известные и сегодня ритуалы «обмывания» и «проставления» являются формой символического распределения благ. Их смысл состоит в том, чтобы человек, получивший некоторое благо, разделил его с группой, «вернув» его часть в форме угощения. Если такое угощение устраивается по случаю вхождения в коллектив и выхода из него, то его функция состоит в том, чтобы включить человека в групповой дарообмен (угощение в этом случае представляет собой инициальный дар), или завершить этот дарообмен так, чтобы его можно было легко возобновить в будущем.

Мы также показали, что в позднесоветском контексте «быть включенным в группу» в значительной мере означало «быть включенным в дарообмен». На практике это выражалось в том, что человек должен был угощать сослуживцев на свой день рождения (и получать подарки в ответ), а также по случаю важных материальных и символических приобретений и делать это не в зависимости от личного желания, а потому что так принято.

Участие советских людей в этих неформальных ритуалах обеспечивалось, с одной стороны, угрозой моральных и сверхъестественных санкций за отказ «обмы-

¹⁶ Но надо отметить, что в таких сообществах — например, среди военных и сотрудников милиции — эти ритуалы обладали особой «принудительной силой» и в советское время: «В милиции это [отказ „проставляться“] было исключено, там „проставлялись“ все. Это как закон был. Может кто-то не сразу, в силу разных обстоятельств, но не „проставиться“ — это было исключено» (НАЛ).

¹⁷ Ковалев А. ДМБ-87. Как служилось в армии во времена моего папы и как в ней служит сейчас (разыскания допризывника) // Отечественные записки. 2005. № 5. URL: <https://strana-oz.ru/2005/5/dmb-87-kak-sluzhilos-v-armii-vo-vremena-moego-papy-i-kak-v-ney-sluzhitsya-seychas-pazyskaniya-doprizyvnika> (дата обращения: 08.04.2023).

вать» или «проставляться», а с другой — представлениями о сверхъестественной награде (удача, денежное благополучие) за готовность разделить приобретенное благо с сослуживцами или семьей. После распада советской системы и с развитием рыночной экономики практики «обмывания» и «проставления» не исчезают совсем, но становятся все менее распространенными и теряют обязательность. Хотя представления о сверхъестественных наградах за готовность к символической редистрибуции и сверхъестественных санкциях за отказ от нее по-прежнему существуют, люди, не желающие «проставляться», не сталкиваются с давлением коллектива.

Эти изменения показывают, что наше изначальное предположение было верным: распространенность и обязательность этих ритуалов в советское время была связана с экономической системой, которая, с одной стороны, поддерживала образ «ограниченного блага» в когнитивных ориентациях людей, а с другой, делала практики неформального дарообмена необходимыми для повседневного существования. С распадом этой системы они постепенно начали терять свою актуальность.

Список литературы (References)

Архипова А. С. *, Кирзюк А. А., Югай Е. В. Рожки да ножки: ритуал разрывания связи между животным и его хозяином от традиционной деревни до позднесоветского города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6. С. 106—112. URL: <http://www.surgpu.ru/nauchnaya-deyatelnost/vestnik-surgpu/vse-nomera/6-69-2020/statya-11/> (дата обращения: 10.04.2023).
Arkhipova A. S. *, Kirzyuk A. A., Yugaj E. F. (2020) Horns and Legs: The Ritual of Breaking the Connection Between an Animal and Its Owner, from a Traditional Village to a Late Soviet Town. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. No. 6. P. 106—112. URL: <http://www.surgpu.ru/nauchnaya-deyatelnost/vestnik-surgpu/vse-nomera/6-69-2020/statya-11/> (accessed: 10.04.2023). (In Russ.)

Белоусова Е. Родильный обряд // Современный городской фольклор / сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 339—369.
Belousova E. (2003) Childbirth Rite. In: Belousov A. F., Veselova I. S., Neklyudov M. (eds.) *Modern Urban Folklore*. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 339—369. (In Russ.)

Журавлев А. «Обмывание копыт» (из восточнославянской лексики и фразеологии, связанной с ритуалами купли-продажи скота) // Славянское и балканское языкознание / отв. ред. Э. И. Зеленина, В. В. Усачева, Т. В. Цивьян. М.: РАН, 1984. С. 109—114.

Zhuravlev A. (1984) “Hoof Washing” (From the East Slavic Vocabulary and Phraseology, Associated with the Rituals of Buying and Selling of Livestock). In: Zelenina E. I., Usacheva V. V., Tsiyvan T. V. (eds.) *Slavic and Balkan Linguistics*. Moscow: RAS. P. 109—114. (In Russ.)

Зайцева Н. Этнографические наблюдения в театре имени Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 162—167. URL: <http://www.jourssa.ru/jourssa/article/view/1673> (дата обращения: 10.04.2023).

Zaitseva N. (2003) The Ethnographic Observations in Lensovet Theatre. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 6. No. 1. P. 162—167. URL: <http://www.jourssa.ru/jourssa/article/view/1673> (accessed: 10.04.2023). (In Russ.)

Залегина В. В. Социальный портрет руководителя системы органов прокуратуры // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 1. С. 60—72.

Zalegina V. V. (2007) Social Portrait of the Public Prosecution System Top Officials. *RUDN Journal of Sociology*. No. 1. P. 60—72. (In Russ.)

Маусс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
Mauss M. (2011) *The Gift*. Moscow: KDU. (In Russ.)

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7—20.

URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2008-2/7-20> (дата обращения: 10.04.2023).
Plungian V. A. (2008) Corpus as a Tool and as Ideology: About Some Lessons of Modern Corpus Linguistics. *Russian Language and Linguistic Theory*. No. 2. P. 7—20. URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2008-2/7-20> (accessed: 10.04.2023). (In Russ.)

Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

Sahlins M. (1999) *Stone Age Economics*. Moscow: OGI. (In Russ.)

Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.

Utekhin I. (2004) *Essays on Everyday Life in a Communal Apartment*. Moscow: OGI. (In Russ.)

Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине 1943—1953 гг. М.: РОССПЭН, 2021.

Heinzen J. (2021) *The Art of the Bribe. Corruption under Stalin, 1943—1953*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Foster G. (1965) Peasant Society and the Image of Limited Good. *American Anthropologist*. Vol. 67. No. 2. P. 293—315. <https://doi.org/10.1525/aa.1965.67.2.02a00010>.

Foster G. M. (1972) The Anatomy of Envy: A Study in Symbolic Behavior. *Current Anthropology*. Vol. 13. No. 2. P. 165—202. <https://doi.org/10.1086/201267>.

Fitzpatrick S. (2000) Blat in Stalin's Time. In: Lovell S., Ledeneva A., Rogachevskii A. (eds.) *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s*. New York, NY: Macmillan Press; St. Martin's Press. P. 166—182.

Herlihy P. (1991) Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking. *The Russian Review*. Vol. 50. No. 2. P. 131—147. <https://doi.org/10.2307/131155>.

Humphrey C. (2000) Rethinking Bribery in Contemporary Russia. In: Lovell S., Ledeneva A., Rogachevskii A. (eds.) *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s*. New York, NY: Macmillan Press; St. Martin's Press. P. 216—241.

Ledeneva A. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. London: University of London.

Patico J. (2002) Chocolate and Cognac: Gifts and the Recognition of Social Worlds in Post-Soviet Russia. *Ethnos. Journal of Anthropology*. Vol. 67. No. 3. P. 345—368. <https://doi.org/10.1080/0014184022000031202>.

Приложение. Список информантов

Информант	Пол	Год рождения	Город	Интервьюер
АЮК	Муж	1970	Москва	С. Кондратьева
НАС	Жен	1957	Касимов	К. Сафронов
ЛОВ	Жен	1970	Пермь	А. Луценко
СВШ	Муж	1969	Москва	А. Назарова
ЛСП	Жен	1954	Москва	М. Ильин
НАЛ	Жен	1949	Санкт-Петербург	Е. Савинков
ЕНБ	Муж	1947	Москва	А. Богомазов
ЕАР	Жен	1970	Владивосток	А. Ромашко
ЛБ	Жен	1931	п. Чуриловка Вологодской обл.	Записано авторами в 2018 г.
Инф. А.К	Жен	н/д	Вологда	Е. Югай, записано в 2017 г.
СМБ	Жен	1949	Жуковский	С. Билич
АИХ	Муж	1966	д. Нариманова Тюменской обл.	И. Айзатуллин
ДАП	Муж	1972	Череповец	А. Небольсина
ЩЕН	Жен	1948	Москва	М. Рубежный
РТС	Жен	1946	Тюмень	Салихова
ДАР	Муж	1966	Владимирская обл.	О. Крылова
САБ	Жен	1969	Москва	М. Барганов
ЖБГ	Муж	1947	Москва	А. Горожанкина
АРА	Муж	1951	Казань	Э. Ахмадуллин
СВМ	Муж	1961	Тюмень	Б. Кох
ВПС	Муж	1957	Тюмень	Свидерский
МА	Жен	1999	Таганрог	Анкета
АА	Муж	2000	Таганрог	Анкета
Инф. Е.	Жен	н/д	н/д	Е. Югай
СГ	Муж	1998	Таганрог	Анкета
АИ	Муж	1997	с. Покровское Ростовской обл.	Анкета
МК	Муж	Студент РЭШ	Москва	Автоэтнографическое эссе